

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК ЖЕСТКИЕ ДЕСИГНАТОРЫ

А.З. Черняк

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу концепции собственных имен как жестких десигнаторов. На основании критики аргументов в пользу этой теории значения собственных имен и ее объяснительной силы делается вывод о ее сомнительности.

Ключевые слова: денотат, жесткий десигнатор, значение, имя собственное, определенная дескрипция, референция.

Крипке С. высказал известную гипотезу, согласно которой собственные имена естественных языков являются жесткими десигнаторами, т.е. обозначают каждое одну и ту же сущность во всех возможных мирах, в которых оно имеет значение (соответствующая сущность существует) [2. С. 48—49]. Его основной аргумент состоит в указании на то, что они ведут себя принципиально иначе, чем определенные дескрипции (1), которые, как он считает, не являются жесткими десигнаторами, а играют роли, отведенные для них в концепции Рассела [2. С. 6] (2). Так, с его точки зрения, предложение

(а) Аристотель любил собак

имеет следующие условия истинности: (а) истинно тогда и только тогда, когда есть определенный человек, называемый Аристотелем, и он любил собак. Так же и в контрафактической ситуации (а) будет истинно, если в ней есть тот же Аристотель, и он в ней любил собак (3). Согласно Расселу, (а) можно анализировать как

(б) Последний великий философ античности любил собак,

где дескрипцию, определяющую референцию имени, можно заменить на любую, с помощью которой субъект идентифицирует Аристотеля. Хотя в действительности условия истинности (б) и (а) совпадают, в каком-то возможном мире кто-то

кроме Аристотеля мог быть последним философом античности и (б) истинно относительно этого индивида, а не Аристотеля [2. С. 6—7].

Но что значит, что условие бытия Аристотелем выполняется в возможном мире? Возможно ли, чтобы Аристотель не имел ни одной общей черты с действительным Аристотелем? Могли бы его иначе звать, мог бы он не быть греком и философом? (4)

Можно предположить, что за идентичность объекта жесткой десигнации отвечает его сущность. Сложный вопрос — есть ли такие сущности у единичных вещей, событий, индивидов и прочих объектов, обычно именуемых собственными именами. С точки зрения Крипке, за сущность индивида отвечает его происхождение: возможный индивид, происходящий из той же осеменной яйцеклетки, что и Аристотель, идентичен действительному Аристотелю, несмотря на то, что вся его последующая жизнь и его имя могли бы быть другими. Для Крипке существуют границы метафизических возможностей: если *эта* указка в предложении «Эта указка могла бы быть сделана из льда», высказанном о конкретной указке, лежащей на доске, является жестким десигнатором, то высказанное суждение ложно, поскольку для этой указки существенно, что она сделана не из льда [4. С. 64—65].

Но интуитивно мы понимаем, что если возможные миры суть всего лишь версии действительного мира, то в одном из таких миров указка, лежащая на данной доске, может быть сделана из льда.

Это не будет, по Крипке, та же самая указка, что в действительности лежит на данной доске, этой указки в этом мире может вовсе не существовать, или она может лежать в каком-то другом месте. Но почему именно происхождение должно определять сущность? Почему невозможно, чтобы в альтернативной истории Аристотель появился из той же яйцеклетки, но оплодотворенной другим сперматозоидом, или даже из другой яйцеклетки? С интуитивной точки зрения у того, кто отвечает историческим характеристикам, определяющим для нас Аристотеля, могли бы быть другие родители: например, его матерью могла бы быть не законная жена его отца, а служанка.

С точки зрения современной биологии, за идентичность индивида отвечает его уникальный код ДНК, определяемый как раз происхождением. Но биологические свойства — не единственные, по которым обычно идентифицируют конкретного человека.

Можно представить себе ситуацию в будущем, когда личность человека может быть полностью оцифрована и отделена от тела. Если она сможет после этого существовать, то не будет зависеть от биологических свойств. Но уникальная личность — популярный альтернативный кандидат на роль сущности индивида. Нельзя априори исключить вероятность того, что условия истинности (а) охватывают миры, в которых личностью Аристотеля обладает машина. А для тех, кто верит в существование души, именно душа может определять сущность индивида, независимо от его биологии, от происхождения, от характера (5).

Крипке пытается избежать проблем с идентификацией объектов, размещаемых в возможных мирах, говоря, что возможные миры суть возможные состояния действительного мира, являющиеся, по сути, абстракциями [2. С. 18—19].

Но абстракции состоят из абстракций; следовательно, Аристотель, являющийся частью такого возможного состояния, в котором он любит собак, также есть лишь абстракция. Тогда получается, что контрафактические высказывания говорят не о действительных индивидах, а об абстракциях от тех или иных параметров этих индивидов. Но это означает редукцию стандартной референции собственных имен для модальных высказываний: мы должны согласиться, что говорим в них не о реальных вещах и индивидах, а в лучшем случае об абстракциях. Но если имя меняет свою референцию в зависимости от контекста, оно не является жестким десигнатором. Тогда оно должно обозначать нечто абстрактное во всех контекстах его стандартного употребления. Возможно, в каком-то смысле все, о чем мы можем говорить, — абстракции; но коль скоро действия мы производим с реальными вещами и общаемся с реальными людьми, правдоподобно, что именно эти вещи и люди являются денотатами наших обычных использований имен.

Некоторые защитники жесткой десигнации собственных имен задают единство их денотатов определением: например, утверждая, что если единичное референциальное выражение обозначает вместе x и y , то $x = y$ [6. С. 46]. Но это означает, что если «Аристотель» — единичное референциальное выражение, — чем оно, скорее всего, является, и может обозначать как известного философа, так и известного бизнесмена, как это имеет место в реальности, то эти философ и бизнесмен должны быть одним и тем же индивидом. Чтобы избежать такого вывода, единичным референциальным выражением надо считать не имя «Аристотель», а определенный тип его использования, который соотносит его с определенным индивидуальным носителем и, таким образом, определяется семантически.

Но люди могут изобретать семантически новые использования для одного и того же существительного каждый день. И они могут прекращать некогда привычное использование имени. Впоследствии некогда исчезнувшее использование может быть воспроизведено в новых условиях. Каждое такое изобретение нового или «возвращение» старого способа использования имени можно рассматривать как установление новой жесткой связи между этим именем и его носителем (6).

Но и каждое конвенциональное использование имени можно рассматривать как использование лингвистической составляющей имени с целью задать референцию, связывающую ее (появление в данном контексте) с определенным объектом в соответствии с определенными образцами, а не как использование данного имени вместе с его референцией, уже закрепленной за ним исторически.

Чтобы исключить такую трактовку подавляющего большинства (если не всех) обычных случаев использования имен в коммуникации, надо иметь надежные свидетельства того, что данное использование имени в буквальном смысле заимствует референцию у предшествующих его использований, служащих образцами для данного. Но у нас нет таких свидетельств: данные, которыми мы располагаем, в лучшем случае свидетельствуют о коммуникативных намерениях и знаниях, посредством которых говорящие идентифицируют объекты, которые, как они считают, именуют используемые ими имена.

Согласно Крипке, для того чтобы указывать на вещь с помощью собственного имени, достаточно чтобы использование этого имени находилось в правильном

каузальном отношении к тому использованию, в котором данное имя было закреплено за данной вещью, чтобы оно восходило к нему исторически [2. С. 96]. Но практически любой объект — сложная конструкция, включающая помимо пространственных еще и временные части. Обычно он представлен коммуникаторам в ситуации его наречения каким-то именем лишь определенным состоянием (например, младенческим) или аспектом.

Но что позволяет имени, закрепленному за частью объекта, в последующем использовании, исторически производном от данного, указывать на весь этот объект целиком? Внешний вид действия, состоящего из, например, публичного указания пальцем на объект, сопровождаемого высказыванием «Сим нарекается сей предмет N», не позволяет сказать о нем, выполняет оно свое предназначение — разделить весь объект целиком этим именем или нет. Судить об этом мы можем только на основании данных о том, закрепилось имя N за соответствующим объектом или нет. Но иметь адекватные основания судить об этом, значит иметь надежные свидетельства о том, является ли коллективное использование N таким, что N в нем связано отношением референции с соответствующим предметом. Однако имея мы такие данные, мы не сталкивались бы с проблемой неоднозначности имен и с необходимостью исследовать контекст на предмет уточнения референции использованного в нем имени.

Возможность жесткой денотации базируется на заимствовании референции одними использованиями слов у других. Согласно Крипке, эта возможность обеспечивается намерением пользователя имени использовать его с тем же значением, с каким его используют те, у кого он научился его правильно использовать [2. С. 96]. Но иметь намерение и выполнить его — не одно и то же. Выполнить его, значит, использовать имя с соответствующим значением: тогда что-то помимо самой интенции должно обеспечить наличие этого значения у данного использования данного имени. Я могу зажечь свечу и передать ее другому человеку, и будет видно, что свеча продолжает гореть у него в руках. Ничего подобного мы не можем наблюдать при заимствовании использования имени одним субъектом у другого: мы можем зафиксировать некоторые сходства между тем, как они оба соотносят использование имени с обстоятельствами, но — не тождество значений этих использований.

Но даже если установлено, что конкретное появление имени в высказывании, руководимое стремлением использовать его в соответствии с прошлыми образцами, имеет то же значение, что и использование этого имени в этих образцовых ситуациях, этого не достаточно для установления факта заимствования референции этим словоупотреблением из этих образцов. Чтобы одно появление выражения заимствовало референцию у другого, референция первого не только должна быть тождественна референции второго, но и определяться ею, а не быть случайно такой же. Но для этого соответствующие случаи использования имени уже должны быть связаны какой-то семантической закономерностью.

Считается, что есть анафорические выражения, заимствующие референции у выражений, ранее использованных в речи или письме. Но насколько уместно

трактовать какое-либо современное использование имени «Аристотель», позаимствованное у преподавателей философии и из учебников, по аналогии с обычной анафорой? Чтобы появление имени заимствовало референцию у другого появления этого имени, либо само имя должно быть связано отношением референции с соответствующим объектом и только с ним — условие, которое обычно не выполняется для собственных имен в естественных языках, — либо должен работать какой-то механизм передачи референции от одного высказывания другому. Интенции и ориентации на образцы для этого, однако, не достаточно, так же как и следования правилу, поскольку никакое правило не может содержать такое описание денотата имени, что один единственный объект в каждом мире удовлетворяет ему (7).

Когда мы понимаем обычную анафору, вроде «Аристотель был великий философ; он написал много книг», мы легко интерпретируем местоимение как указывающее на того же индивида, на которого указывает имя в предшествующем предложении, потому что это — самая очевидная гипотеза, делающая данную последовательность слов связным дискурсом. Мы не выводим это понимание из наблюдения заимствования референции местоимением у имени. Напротив, мы говорим, что имеет место в подобных случаях факт заимствования, обобщая опыт большинства прошлых прочтений аналогичных случаев.

Но чем дальше отстоят друг от друга высказывания во времени и чем больше между ними вклинилось других высказываний или мыслей, а также чем больше произошло изменений в окружающем мире, отразившихся на сознаниях коммуникаторов, тем больше доступно альтернативных интерпретаций данного конкретного появления имени.

Допустим, человек впервые прочитал в книжке про философа Аристотеля: он теперь готов осмысленно говорить о нем. Возможно, на первых порах его использование этого имени уместно считать чисто анафорическим, если данная книжка была единственным источником его информации об Аристотеле. Но со временем он получает новые данные об Аристотеле из других источников, которые он считает говорящими о том же индивиде. Но они могли бы исторически восходить к разным индивидам. Не очевидно, что его использование имени «Аристотель» останется в этом случае строго анафорически зависимым от его использования в книге, из которой он впервые узнал об Аристотеле, а не будет определяться также и другими источниками. В последнем случае, если они говорят не об одном и том же индивиде, его использование данного имени будет скорее референциально не однозначным.

К тому же ничто не гарантирует, что историческая цепочка заимствований использования имени «Аристотель», например, восходит к ситуации наречения реального индивида — самого Аристотеля — этим именем? Мы не можем надежно отследить связи такого рода. В лучшем случае, можно утверждать, что наши обычные разговоры об Аристотеле восходят к определенному собранию текстов и устной традиции, предположительно говорящих об одном и том же конкретном реальном человеке.

Но допустим, несмотря на все трудности с объяснением этого феномена, конкретное использование собственного имени может делать его обозначающим в контексте этого использования строго определенный объект, и это отношение является жестким. Конкретное появление имени в конкретной ситуации (токен), будучи жестким, должно указывать на одно и то же во всех возможных мирах, в которых у этого токена есть носитель (8).

Но токен может обозначать объект относительно конкретной ситуации его появления без того, чтобы этот же объект был носителем этого имени как лингвистического типа, который инстанцирует данный токен. Если бы все токены типа были жесткими в этом смысле, и их объекты были тождественными, из этого можно было бы заключить, что с большой долей вероятности тип, инстанцируемый всеми этими токенами, имеет референцию, определяемую референциями этих токенов, и жесткую в силу жесткости этих референций. Но этого ничто в мире не гарантирует. Напротив, обычным основанием приписывать токenu жесткую референцию является допущение наличия такой референции у соответствующего типа.

К тому же из идеи жесткой десигнации следует, что если «Цицерон» и «Туллий» — жесткие десигнаторы и обозначают одного и того же индивида (что соответствует определенному их прочтению), то они должны быть взаимно заменимы во всех контекстах при этом прочтении. Но «Цицерон есть Туллий» не выражает тавтологии, как «Цицерон есть Цицерон», а «Петя верит, что Цицерон носил бороду», может быть истинно, тогда как «Петя верит, что Туллий носил бороду» — ложно, если Петя не знает, что Цицерон и есть Туллий (9).

Наконец, само утверждение, что собственные имена ведут себя иначе, чем определенные дескрипции, скорее, базируется на идее жесткой десигнации собственных имен, чем обосновывает ее.

Именно потому, что имя трактуется как обозначающее свой носитель независимо от его свойств и, соответственно, описывающих их дескрипций, делается вывод, что оно ведет себя принципиально иначе, чем любые дескрипции, не являющиеся жесткими десигнаторами. Иначе можно было бы настаивать, что «Аристотель — последний великий философ античности» становится тавтологией, если «Аристотель» заменить на «последний великий философ античности», потому что неправильная дескрипция выбрана для передачи смысла имени, а правильные дескрипции должны описывать существенные свойства, обладание которыми делает объект носителем данного имени.

Не следует концепция жесткой десигнации и из разделяемого Крипке убеждения, что если $x = y$, то необходимо $x = y$. Он считает, что это — следствие Лейбница закона неразличимости тождественных и что это неопровержимо, так как для одного и того же объекта данный вывод истинен, а для разных ложен антецедент [2. С. 3]. Но знак « $\Rightarrow$ » можно интерпретировать как выражение полного или неполного тождества. В первом случае все части объектов, связанных этим отношением, тождественны; во втором случае некоторые ключевые или большин-

ство частей так связанных объектов тождественны. Полное тождество охватывает объекты, у которых нельзя выделить даже различающиеся состояния. К таким в реальном мире относятся разве что неизменные сущности, если они вообще есть. «Вода есть H_2O » не выражает полного тождества, так как вода как минимум дана наблюдателям иначе, чем H_2O .

Поэтому на основании истинности данного предложения в нашем мире нельзя сделать вывод о его необходимости и, следовательно, о том, являются ли использованные в нем имена жесткими десигнаторами.

Если, говоря

(в) Аристотель есть Аристотель,

мы строго следуем презумпции тождества денотатов использованных в высказанном предложении имен и трактуем их появления как жесткие десигнаторы, то в этом случае можно сказать, что такое тождество будет полным и необходимым. Но для этого нам уже нужно знать, что ни одно появление имени в (в) не является не жестким. Допустим, второе появление имени в приведенном предложении указывает жестко на множество всех свойств действительного Аристотеля, а первое — на самого Аристотеля. Можно предположить, что, хотя в действительности есть единственный объект, удовлетворяющий этому описанию, Аристотель мог бы иметь другие свойства и, следовательно, не быть тождественным данному множеству свойств (10).

Правдоподобно, что истинные утверждения тождества между жесткими десигнаторами необходимы. Вот только это не позволяет нам узнать, есть ли жесткие десигнаторы в естественных языках, и какие выражения ими являются.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Согласно Б. Расселу [5] определенные дескрипции вводятся определенным артиклем, а также притяжательными прилагательными (как в «мой любимый сын»), в отличие от неопределенных, которые вводит неопределенный артикль или слова «некий», «некоторый», «какой-то» и т.п. В таком языке, как английский, артикли эксплицитно используются, поэтому там можно отличить определенную дескрипцию от неопределенной по грамматическим особенностям выражения. В русском же языке артикли в явном виде отсутствуют и даже не факт, что подразумеваются: поэтому сказать о некоем выражении, является оно определенной или неопределенной дескрипцией в этом языке, можно только соотнося его использование с контекстом, а именно предполагая и удостоверяя на основании доступной информации, что оно использовано как определенная или как неопределенная дескрипция. Так же не всегда просто провести границу между определенными дескрипциями и собственными именами: выражение «Большой каньон» выглядит как дескрипция (его перевод на английский включает определенный артикль) и ведет себя как дескрипция (переводима на другие языки, имеет множественное число), но известно и фактически используется как имя определенного места. Впрочем, не дескрипции являются предметом обсуждения в данной статье.
- (2) Имеется в виду анализ определенных дескрипций Расселом, изложенный в [5].
- (3) Речь естественно идет о конкретном прочтении (а), в котором имени приписан определенный денотат, поскольку само по себе оно может применяться к разным индивидам; см.: [2. С. 9].

- (4) Возможные миры, как пишет Льюис, суть то, каким действительный мир мог бы быть [3. С. 84]. Вопрос о существовании в возможности — отдельная тема философии возможных миров. Подробнее о разных концепциях возможных миров см. в [7. С. 65—75].
- (5) Ср. аналогичные рассуждения в [4. С. 65].
- (6) Хотя, скорее, здесь оправданно говорить в лучшем случае о претензии на установление подобной связи в случае, если связи такого рода действительно являются тем, что люди пытаются устанавливать, наделяя собственные имена референциями.
- (7) Именно критика теории, согласно которой референции собственных имен определяются какими-то дескрипциями, была одним из основных мотивов появления концепции собственных имен как жестких десигнаторов.
- (8) Оставим здесь без внимания вопрос о том, что значит быть тем же токеном в другом возможном мире, а также — в каком смысле токен имени может иметь носитель.
- (9) На этот аспект кореференциальности имен обратил внимание еще Г. Фреге [1]. Крипке говорит [2. С. 20], что из его концепции не следует, что «Цицерон» и «Туллий» синонимы; но все же если кореференциальные имена суть жесткие десигнаторы и их значения определяются их референциями, то не понятно, почему они не должны быть синонимами.
- (10) Знак « $\Leftrightarrow$ » или «есть» как выражение тождества может выражать либо тождество в соответствующем мире, либо тождество независимо от миров, что фактически — то же самое, что и необходимое тождество. В этом случае вывод, который делает Крипке, тривиален. Но обычно предложение «Вода есть H_2O » понимается как значащее, что вода в действительности есть H_2O . В этом случае, вывод о необходимости этой истины будет следовать из трактовки терминов «Вода» и « H_2O » как жестких десигнаторов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997.
- [2] *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- [3] *Lewis D.* Counterfactuals. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
- [4] *Putnam H.* Realism and Reason. Cambridge University Press, 1983.
- [5] *Russell B.* On Denoting // Mind, New Series. Vol. 14. No. 56 (Oct., 1905).
- [6] *Sainsbury R.M.* Reference without Referents. Clarendon Press, Oxford, 2005.
- [7] *Stalnaker R.* Possible Worlds // Nous. 1976. Vol. 10.

PROPER NAMES AS RIGID DESIGNATORS

A.Z. Chernyak

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the critical analysis of the concept of proper names as rigid designators. The arguments in favor of the theory of meaning for ordinary proper names and its problems are considered. The author comes to the conclusion that the theory is open to objection.

Key words: denotation, definite description, meaning, proper names, reference, rigid designator.

REFERENCES

- [1] *Frege G.* Smysl i znachenie. *Frege G. Izbrannye raboty.* M., 1997.
- [2] *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- [3] *Lewis D.* Counterfactuals. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
- [4] *Putnem H.* Realism and Reason. Cambridge University Press, 1983.
- [5] *Russell B.* On Denoting. *Mind, New Series.* Vol. 14. No. 56 (Oct., 1905).
- [6] *Sainsbury R.M.* Reference without Referents. Clarendon Press, Oxford, 2005.
- [7] *Stalnaker R.* Possible Worlds. *Noûs.* 1976. Vol. 10.